

«Меня выбрал интерес»

Когда мы разговаривали с Владимиром Витальевичем Страховым, в клинике «ОфтаКит» царила обычная рабочая суeta. Он вел прием пациентов и делал назначения, шло обучение персонала работе с каким-то новым диагностическим роботом, сотрудники искали больного, который заблудился и не пришел на обследование вовремя... И профессор Страхов участвовал в каждом процессе, включая разговор со мной, с полной вовлеченностью и отдачей. Я с интересом наблюдала за этим и думала, что есть особый талант вмещения жизни в себя. И каждая сторона, каждое направление жизни будет показывать твою целостность. Как у бриллианта, который всегда дороже алмаза, каждая грань отражает свой спектр, а вместе они создают совершенство.

Мы говорили с Владимиром Витальевичем три часа с мелкими перерывами на дела клиники. И сначала вам может показаться, что этот разговор похож на лоскутное одеяло из разносортных кусочков, но когда я его записала, то поняла, насколько ярко и точно каждый ответ профессора Страхова отражает свой спектр, но создает единый свет.

– Владимир Витальевич, я много раз видела на ваших докладах переполненные залы слушателей. Врачи сидят, стоят, готовы чуть не на люстрах висеть – так им интересно. Как вам удается понятно и просто доносить до коллег сложную в научном плане информацию?

– Доклад или лекция – это просто другой навык, и тоже профессиональный. Мне кажется, что говорить нужно образно и доходчиво, чтобы было не уныло, а понятно. Лично я приверженец концепции, что если моя врачебная аудитория, для которой я говорю, поймет, то запомнит. И каждый раз ставлю задачей своей лекции не себя показать, а увлечь. А для этого нужно только одно – полюбить слушателей.

Я слушаю много научных выступлений коллег. Часто и материал интересный, и лектор умница, но подготовил на слайдах текст и читает вслух. Что мне делать, как слушателю? Слайд читать или лектора слушать? И я позволяю себе отвлечься, потому что скучно.

Это, кажется, у Сократа: «Заговори, чтоб я тебя увидел». Заговори, а не читай. Я могу 40-минутный доклад провести с одним слайдом, на котором будет клиническая картинка. И я эту картинку «рассказываю» и одновременно рассуждаю: «Вы обратили внимание, как тут устроено? Я до сих пор удивляюсь логике природы, так все продумать и предугадать!» В этот момент я сам увлекаюсь и одновременно наблюдаю, что у слушателей идет точно такое же движение мысли.

То есть сердцевина слушательского интереса – в увлеченности лектора. Понятно, что истина недостижима. И любая остановка в процессе познания всегда будет полна новшествами. Поэтому нельзя заикливаться на тексте. Знаете, какой главный признак, что человек думает? Это когда он разговаривает сам с собой, молча рассуждает либо бормочет. Как Пушкин, подсказывает со словами: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» И это самое настоящее отражение мыслительного процесса. В докладе или лекции мысль не останавливается. И у лектора, и у слушателей. Тогда все получается.

Я ведь свои лекции не записываю. Делаю презентацию в основном в картинках и рассуждаю по этим наброскам. А помог мне осознать правильность такого подхода один почти курьезный случай.

Когда я защищал кандидатскую диссертацию, а это очень ответственное мероприятие и состояние почти полубморочное, я хорошо подготовился. В руках – автореферат, ручка, текст моего выступления, блокнот. И в начале моего выступления забарахлил аппарат-линейка, который листал слайды. Я вышел помочь технику и, когда вернулся за кафедру, обнаружил, что забыл все свои шпаргалки там, возле диапроектора.

А председатель диссертационной комиссии, профессор Волков Вениамин Васильевич, попросил меня продолжить свое выступление. И я без бумажки, без возможности подсмотреть точные формулировки стал говорить и описывать картинки на подготовленных слайдах.

После завершения один из оппонентов, профессор Горбань Анатолий Иванович, сказал, что эта работа показалась ему настолько интересной и образной, что «у диссертанта есть не только навык профессионального владения щелевой лампой, но и придаток из серого вещества головного мозга». А я с тех пор не пользуюсь шпаргалками.

– А как вышло, что вы выбрали медицину, офтальмологию? Интерес детства или что-то влияние?

– Это не я выбрал. Это интерес меня выбрал. А под куполом интереса и происходит любое профессиональное становление.

У меня в жизни было несколько переломных моментов, когда приходилось выбирать. Мои родители хотели, чтобы я после восьмого класса поступил в музыкальное училище по классу баяна. Это было престижно, баян был массовым инструментом и символом веселья. А народу так не хватало этого состояния. Но на тот момент я сам не захотел и пошел учиться в девятый класс. К баяну больше так и не притронулся, хотя музыку любил и понимал.

И музыка меня не покинула. Позже я встретился с гитарой, услышал «Битлз», боже мой, это был кос-

мос. И я освоил гитару. Создавал инструментальные ансамбли в школе и в институте, писал музыку, делал аранжировки. Мы с товарищами пели в трамваях, под мостом, в подъездах. Нас даже приглашали в Волковский театр выступать, и мы стали лауреатами всесоюзного конкурса патриотической песни. Это была параллельная творческая грань, которая была эффективной, доведенной до определенного результата. И это тоже было становлением. Но так, чтобы не потерять фокус на профессиональном интересе, который со мной всю жизнь.

Еще в девятом классе случилась почти романтическая встреча с трилогией Юрия Германа «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за все» и «Все остается людям». И я почти заболел. Я видел себя главным героем Володей Устименко, благо, даже имена у нас одинаковые. Думал, как думал он. Воображал себя в операционной, в маске и белом халате.

Тогда уже открылся анатомический театр в медицинском институте. Я сходил проверить свой интерес. В обморок от страха не упал, но понял, что мне нужно отчаянно подтянуть химию, биологию, физику. И если сдам экзамены на пятерки, то есть шанс поступить в институт. И поступил.

Сначала я не хотел быть офтальмологом, мечтал о хирургии. На шестом курсе встретил в коридоре института профессора Левина, я учился у него анатомии. Он узнал о моем стремлении в хирургию и удивился, почему я не рассматриваю другие специализации. Познакомил меня с сыном, который в 27 лет стал доктором наук и занимался отоларингологией. Сказал: «У вас похожий тип мышления», – тогда я задумался, как это можно было увидеть и предположить, что такие узкие области могут быть мне интересны. Разговоры с его сыном увлекли меня темами микроциркуляции и процессами, которые управляют работой небольшого органа и всего организма в целом.

Но мечту из сердца не выбросишь, и я уехал по распределению в надежде работать хирургом. Но в клинике не оказалось места хирурга, а была необходимость в офтальмологе. Мир помрачнел, я расстроился, думал, где найти силы смириться с ситуацией.

Приехал на выходные домой, и мой тесть, полковник медицинской службы, выпускник Военно-медицинской академии, узнав про мою «печаль», сказал: «Зря ты так. Мой однокурсник, Веня Волков, уже генерал, Герой Соцтруда, считает эту профессию лучшей. А я ему верю, мы воевали вместе».

И я задумался: «А что, в офтальмологии есть и терапия, и хирургия, и моя любимая микроциркуляция. Надо попробовать». Стал работать, поступил в аспирантуру, защитился, творю по сей день.

А свою диссертацию я защищал у Вениамина Васильевича Волкова. Никто не говорил ему о моем родстве с его другом и однокашником. И только после моей защиты он узнал этот маленький секрет и рассказал мне многие истории их фронтовой дружбы.

Так что, отвечая на вопрос, скажу, что интерес меня направлял, но сам он, в свою очередь, формировался под чьим-то влиянием – коллег, учителей.

– Значит, учителя у вас были отличные. Учитель в науке – это вообще важно?

– Конечно. Мне жаль людей, у которых не было учителя. Бывает, что какая-то тема захватывает так, что можно провести в блужданиях много лет и так и не набрести на нужную тропу. Например, при слове «микроциркуляция» я потел, покрывался мурашками, такое было восхищение даже самим словом. Мне казалось, что это ключ, который откроет все тайны. Но где искать? А учитель может точно направить. Человек, превосходящий тебя в знаниях и ясности ума, может мизинцем показать, в какую сторону идти. Учитель находится в конкретной научной теме и знает, что еще не открыто, что еще следует уточнить, чему следует уделить внимание. И тут роль его велика, иначе можно до бесконечности изобретать велосипед.

Мне очень нравился мой учитель Мир Сергеевич Ремизов. Он был редкой военной профессии – корректировщик артиллерийского огня на воздушном шаре. Оригинально мыслил, обладал энциклопедическими знаниями, был понятным с точки зрения формирования моей мысли. Он заводил к пациенту и спрашивал: «Что видишь?» Это сейчас хорошо: послал на ОСТ и видишь, что дырка в макуле, а раньше – просто красное пятнышко. Так он прокачивал мои диагностические навыки.

В смысле ученичества я всегда тянулся к звездам. **Звезда – это нечто, что создает свет. Светящиеся точки на небе глазом почти неразличимы, непонятно, звезда это или планета. Но настоящая звезда производит свет, как солнце, а планета лишь отражает его.** В науке так же. Исполнитель повторяет, а звезда – сотворяет свет. И мне везло, мои учителя – звезды.

Я благодарен профессору Ремизову, что он поддерживал мой интерес к микроциркуляции и направил на поиск и изучение механизмов в микросудах, которые способствуют нарушению оттока внутриглазной жидкости. Мир Сергеевич смог точно развивать мой исследовательский путь.

Ежегодно мы в Ярославле проводим «Ремизовские чтения» – конференцию, призванную показать и донести до практикующих врачей направления научной мысли и внедрить в них потребность думать. В отличие от других именных конференций, в ней много личного. Мы в этот день посещаем могилу Мира Сергеевича, делимся воспоминаниями, пытаемся передать чувства и атмосферу научного любопытства, которая при нем существовала.

– Тогда вы сами были учеником, сейчас у вас свои ученики. Чем отличается профессиональный взгляд вашего поколения от позиции нынешнего поколения молодых ученых? Вам видна разница?

– Да, есть. Мы сочетали поиск и изучение научного материала и исследования на кафедре с собственным клиническим опытом. Медицинская практика была обязательным условием нашего становления и развития как ученых. Конечно, доступ к новой информации на конференциях и в научной литературе давал преимущество в широте взглядов

перед обычными докторами. Мы, например, только там узнавали об освоении интраокулярной коррекции и внедрении искусственного хрусталика.

А когда отделили кафедры от практической медицины, у молодых специалистов пропал интерес к науке: они быстрее преуспевают в практической медицине и больше зарабатывают в клиниках.

Тем, кто остается в науке, кто сохраняет в себе любопытство и стремление докопаться до глубин, не хватает практики и лечебного опыта. Не разрешено посещение операционных, закрыты профессорские обходы, некому спросить: «Что видишь?» И вот тут создается отрыв исследовательской мысли от практической базы. Весь корабль разворачивается в эту сторону, а я с болью в сердце это наблюдаю. В итоге у молодых людей это губит желание и интерес заниматься наукой.

Хотя в последнее время я стал замечать, что немного меняются глаза студентов. Есть очень толковые, читающие, с неподдельным интересом и смелыми неортодоксальными вопросами. Меня это очень вдохновляет.

– А что же делать офтальмологам, которые практикуют ЗА линией науки? Как им узнавать о своих новых возможностях в лечении пациентов?

– Их путь – это общение с исследователями. Конференции, семинары, мастер-классы. И мы должны стараться давать им эту информацию в максимально прикладном формате и доступным для понимания образным языком.

Зачем наука? Она погружает вглубь, чтобы увидеть. Многие смотрят, а настоящие профессионалы видят. И передать это «видение» другим врачам, как отпечаток или фотографию, дорогого стоит.

В голове исследователя возникает прочная цепочка: знает, понимает механизм, видит, оценивает, осознает необходимость донести до коллег, которые пока этого не знают. И тогда врач, зная – видит, видя – действует, а действуя – спасает. Крутую я формулу придумал?

– Владимир Витальевич, при огромном багаже знаний и опыта, кажется, вам уже некуда расти. Но вы остаетесь живым и дарующим энергию ученым. Что дает вам научное вдохновение?

– У меня есть две сферы научных интересов: глаукома и аккомодация. Было время, когда я целиком отдавал себя глаукоме, потом переключился на аккомодацию. И это переключение с темы на тему и обратно дает стимул. Появляются новые объективные приборы, методы, все увлекает. Научный интерес и энергетику этого интереса можно брать либо из других разделов офтальмологии, либо четко понимая, как меняется фактура исследования. Например, в глаукоме совсем недавно не было ни ОСТ, ни других методов. И когда они появились, то дали новый срез интереса. Мной, например, сейчас движет и дает новое дыхание неудовлетворенность методами диагностики глаукомы. Методы устарели. Периметрия, офтальмоскопия... как было

все 30–40 лет назад, так и есть сейчас. Но это же не дело! Нужны объективные, высокоточные, верифицированные, воспроизводимые методы исследования, цифровые методы.

Остается непонятной первопричина заболевания. Нет первопричины – нет патогенеза, нет патогенеза – нет патогенетического лечения, нет лечения – нет ни одного вылеченного больного за сотни лет.

– Какой вопрос вы бы задали своему учителю с позиции себя сегодняшнего?

– Неожиданный вопрос. Наверное, спросил бы вот о чем. В процессе познания «вселенной глаза» шли научные вопросы и темы, которые были объединены не модой, а интересом к конкретной теме. Многие работы Ремизова, Кроля, Абрамова, Нестерова были посвящены регуляции ВГД, взаимодействию гемодинамики и внутриглазного давления, изучению структурно-функциональных нарушений. Это были глубокие вопросы с разработкой прогностических нагрузочных тестов, которые сейчас оказались невостребованными. Но это же несправедливо. И мой вопрос был бы, как он к этому относится.

За всю историю офтальмологии отдельные научные откровения – это кирпичики, один, второй... И строится уже целое здание, понимание больших процессов.

«Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов», – мудрые слова Ньютона. Ведь кто-то же эти горы перелопатил. Кто-то уже выдвинул эти гипотезы, встав на которые, мы можем их развить и увидеть дальше. Работы наших учителей и есть те кирпичики, а они сами есть гиганты.

И теперь я думаю: это сколько же впереди у нас интересной работы! Жизни не хватит. Но я не боюсь, я жизнь люблю. Это только фамилия моя такая – Страхов.

Вот такой он, веселый и мудрый, точный и яркий. Множество регалий не помещается на одной странице, а он продолжает идти за своим интересом. И увлекает за собой, позволяет прикоснуться и «прикурить» от своей заряженности жизнью.

Заведующий кафедрой офтальмологии Ярославского медицинского института, врач высшей категории, заслуженный врач РФ, главный внештатный офтальмолог Ярославской области, член проблемных комиссий по офтальмологии ФГОУ ВУН НЦ Росздрава и МЗ РФ, председатель ярославского общества офтальмологов, член редакционной коллегии журналов «Глаукома», «Офтальмохирургия», «The EYE ГЛАЗ», заместитель председателя Экспертного совета по аккомодации и рефракции, главный врач офтальмологической клиники «ОфтоКит»...

Здоровья Вам, Владимир Витальевич, заинтересованных учеников и идей. Будьте с нами как можно дольше.

Разговор записала **Наталия Ситникова**